

ВАМ ОТПУЩЕНО С ВЫШЕ

«Иному клетка - как простор... Иному и простор - как клетка...»

Рубрику
ведет
Елена
Курбанова

Палач в кинокартине М. Захарова «Обыкновенное чудо».

«Утром на разводе нас стали распределять на работу. Когда очередь дошла до меня, на вопрос: «Кем работал на воле?» я ответил: «Артистом». «Ну, это ясно, - сказал замдиректора совхоза, - все вы здесь артисты. А работал-то кем?» «Артистом», - повторил я. «Ты мне здесь не выступай, я тебя чело-вечьим языком спрашиваю: кем был на воле?» После упоминания о «Кабачке «Тринадцать стульев», где я ваял незабвенный образ пана Пепичка, он долго вглядывался в мое сильно изменившееся за эти годы лицо, затем хлопнул себя по тугим ляжкам, распылся до ушей и крикнул: «Марь Пална, Степаныч, Розка, Любка! Бежите сюда! Глянь-те! Артист с «Кабачка». Вот тебе раз! Живой! Ну не могу, братцы! Ты, артист, поговорь, я развод закончу, потолкуем. Ну каких чудес в жизни не бывает!»

После развода я пару часов ублажал местную сельскую элиту: директора, агронома, главного бухгалтеря и жену участкового Васьки, завклубом Любочку рассказа-ми об интимной жизни персона-жей нашего сериала. Уж больно интересно им было. Все они пере-трахались друг с дружкой или толь-ко платят и куда ж они такую про-веру денег देвают? Я не жалел крас-ко, но был корректен, держался скромно. На вопрос о том, как же я дошел до жизни такой, грустно и многозначительно улыбнулся и ска-зал: «Наивный был, в настоящую любовь верил». Какая связь между моей наивностью и восемьдесят восьмой статьёй УК РСФСР, я по-яснять не стал».

- Володя, а за что все-таки посадили?

- За нарушение статьи о нару-шении правил валютных операций. Я должен был вместе с театром ехать за границу. Приобрел у двух баб 500000 лир - это меньше, чем сто долларов. Ну а потом гастроли отменились - я их и продал чуть-чуть подороже, по тем временам рублей на сто. Баб потом зацапа-ли. Они раскололись. Указали на меня. Я долгое время был под след-ствием в Лефортове. Мне предла-гали быть свидетелем - лучше хо-рошим свидетелем, чем плохим подсудимым». А я четко знал одну вещь: «да» не поздно сказать и на суде. И на все говорил «нет». При-ходил прокурор: «Ну что ж вы так себя ведете - ни одной подписи вашей не видно. Как мужик из де-ревни. Подпишите хотя бы, что вы - Долгинский Владимир Абрамо-вич!». А я отвечал: «Ни одной под-писи...»

- А как тебя брали?

- Очень смешно. Я тогда толь-ко переехал с женой на квартиру на Садовом кольце. Шесть часов утра. Звонок. Открываю. На по-роге - люди. И, как сейчас пом-ню, один говорит: «Комитет госу-дарственной безопасности. Май-ор Шестеркин. Просьба выдать деньги и ценности, нажитые не-трудовым путем». К тому време-ни история с валютой уже начала забываться, но дня за два до со-бытий ко мне заскочил приятель Артур. Он вертелся, делал дела какие-то и попросил на время взять у него на сохранение не-сколько золотых монет: «У меня монеты на хвосте сидят...» Я как был в пиджаке, так и сунул их в карман вместе с мелочью. И ког-да я тех «товарищей» увидел, то первой мыслью было: «Артура взяли - он указал на меня»... На-чался обыск. Меня - в комнату. Жену - на кухню. Шарят на антре-солях. Матрешку какую-то не мо-гут развинтить - начинают бить. У меня была люстра старинная, так они люстру по винтикам разби-рают - золото ищут. Я думаю: «Елки! Ведь найдут обязательно. Мне надо сейчас, занимая их раз-говорами, встать, подойти к пид-жаку, запустить руку в карман, схватить мелочь и все это выбро-сить в окно на Садовое кольцо!» И только я делаю шаг, как следу-ет окрик: «Сидеть!» Оказывается, за мной все время один из них наблюдал внимательно - система такая... И этот один сразу к пид-жаку.

- Володя, но ведь могли и не найти...

- Да нет, нашли бы! Они у меня стены прощупывали. Кстати, сме-шной эпизод. Незадолго до этого к

нам приехала родственница Люд-ка. Она во время обыска спала. Вот ее-то они действительно в дру-гой комнате не заметили. И в раз-гар обыска она, заспанная, входит со словами: «А чего это вы тут де-лаете?» Тут наш Комитет государ-ственной безопасности чуть в об-морок не попадал - ведь там мог находиться и человек с автоматом, войти и перестрелять их всех. Сло-на-то они и не заметили! Меня тог-да увезли на Лубянку. Допрашива-ли двое. Один такой добрый, «хо-роший» - Седов, а другой - ну пря-мо Чапаев Вася - по фамилии Мо-чалов. Они меня пугали: «Мы те не менты, мы - КГБ!» Я: «А что мне КГБ? Вы тоже мясные». И попер на них в ответ.

- Да, Щукинская театральная школа - бесподобная вещь...

- Они кричат: «Да мы за одни только эти слова тебя так улечем - век не пробудеться!» Но на тот мо-мент у них против меня еще ничего не было, истории с валютой они еще не раскрутили, а жену Наташу я успел насчет золотых артуров-ских монет предупредить.

- Каким образом?

- Когда они добрались при обыске до карманов моего пиджа-ка «Что ж ты мне не сказала, что по-ложила бабушкины монеты в кар-ман пиджака?» Они: «Молчать!» - и дверь закрыва-ет. А я ору: «Все четыре монеты! Золотые! По де-сяти рублей! В карман положила!!!» Ну, короче, на Лубянке они меня промучили до одиннадцати ве-чера и отпустили.

- Зато теперь я знаю, с кого ты в «Романе о девочках» - спек-такль театра «У Никитских ворот» Марка Розовского - вяжешь об-раз тюремщика Максима Григорье-вича...

- Точно, с них обоих - Седова и Мочалова... Ну а взяли меня окон-чательно 1 февраля 1973 года. Хо-рошим зимним деньком. Я выска-чил на улицу вместе с дочкой ку-пить сигареты, затем мы должны были идти с ней на каток, а вече-ром с женой - в ВТО. Но у подъез-да меня ждала черная «Волга». Я тормознулся: «Откуда?» и тут - из передней двери выскакивает че-ловек. А сзади двое мне уже руки заламывают. Я только и успел кри-кнуть дочке: «Оленька, передай маме...» А в доме тем временем шел уже новый обыск.

Мы ехали по Москве. И ветер на моих глазах обрывал и мел по улице афишу моего спектакля «Ход-жа Насреддин». На моих глазах... Словно кадр из фильма. Символи-ческий. Я тогда работал в Театре миниатюр и в этом спектакле иг-рал эмира бухарского.

Ну привезли в Лефортово, раз-дели, спазили в очко - нет ли чего недозволенного. Отвели в страш-ный темный душ. Обрывок мочал-ки. 1/8 часть мыла... Выдали мат-рац - и в камеру. Номер трина-дцать. Одиночка. Сутки меня никто не трогал. Потом начались допро-сы. Я сразу стал «косить» под ду-рака.

- Скупно было или надеялся, что тюрьму заменят сумасшед-шим домом?

- Надеялся... Помню, пришел зам.начальника по режиму: «С пра-вилами ознакомились?» - «Ознако-мился, но ничего у нас с вами не получится». - «Почему?» - «Вот у вас тут написано - отбой в 22.00. Я не буду успевать к отбою». - «Куда успевать?» - «Ну смотрите, в лю-бом спектакле у меня есть замена. Но в «Ходже...» Рудин вторым со-ставом играть отказался. То есть играть, кроме меня, некому. Спек-такль кончается без пяти десять. Даже если ваша машина будет к десяти, то к отбою я не успеваю». Он так странно на меня посмотрел и предложил дальше общаться со следователем. Это было только начало. Потом я гулял босиком по тюремному двору в феврале меся-ца и говорил, что я сильный ду-х, что мой отец велел мне закалять здоровье. «Но ведь ваш отец умер», - говорили они. - «Вот он мне отту-да и велел»...

Когда Владимир Долгинский рассказывал мне за чашкой чая об этих тюремных импровизациях, то я все время думала о том, что имен-но способность заниматься твор-чеством даже в таких экстремаль-ных условиях, наверное, и помогла ему выстоять - по большому счету.

Это была его «степень свободы», он, может быть, сам того не подо-зревая, не сломался, выжил, не свихнулся - потому, что ему удава-лось оставаться артистом и зани-маться любимым делом даже в сте-нах тюрьмы, даже в зоне, даже поз-же - на поселении. Даже на суде, когда он сыграл, как он сам счита-ет, лучшую в своей жизни роль, бро-сившись душить адвоката, после чего суд признал необходимым от-править его на стационарную ме-дэкспертизу. Этим он скостил себе еще несколько лет... И, наверное, именно эта, ставшая «способом су-ществования», способность к им-провизации не дает зрителям воз-можности скучать на его спектак-лях сегодня - Долгинский всегда не-предсказуем, это всегда фейерверк фантазии, остроумия, шуток, при-чем выполненных на уровне выше-го пилотажа. Это качество вызыва-ет в актерах «контактную шизофре-нию», как однажды сформулировал сам Долгинский. Спектакли с ним можно смотреть до бесконечности - двух одинаковых все равно не бу-дет. Актеры его любят, зрители про-сто обожают.

- Дальше, естественно, был дурдом?

- После двух медэкспертиз. Мне мешало то, что они знали, что я - актер, профессиональный актер. Это их настораживало. Ну а потом после года Лефортовской тюрьмы, дурдома я оказался в ла-гере.

- Но сидел ты все-таки за ту валюту?

- Мне пришлось сознаться в тех вещах, которые были неоспо-римы. Продавщицы валюты указа-ли, за какую сумму мне продали ее, а тот человек, который купил /они и на него вышли/ - сумму по-купки. Плюс Артур, который пока-зал, что дал мне монеты не на хра-нение, а на продажу...

- Тяжело было в лагере?

- Морально тяжело, хотя я ра-ботал в кузнечном цехе молото-бойцем и физически тоже уставал. Но невыносимо было думать, что там, на свободе, шла жизнь. Дохо-дили слухи, что Марк Захаров стал режиссером «Ленкома». А я ведь до Театра миниатюр работал дол-гое время в Театре сатиры и иг-рал в «Доходном месте» у Марка Захарова /это был его спектакль/. Там, на свободе, была работа, там был «Кабачок «Тринадцать стуль-ев». Там меня любили, там оста-лись мои друзья. Я слышал, что в «Ленкоме» Марк поставил «Авто-град». Где мне, наверное, тоже на-шлась бы роль. Потому что он меня ценил как актера. Кроме того, за это время меня успела бросить жена, лишив меня квартиры. И я не бождения мать - она у меня боль-ной человек. А впереди были годы неволи... В лагере я провел 3 года и 4 месяца, а дальше - в «Тюрьме» режим и перевели в колонию-поселение.

- Как там к тебе относились - все-таки артист в прошлом?

- Хорошо относились. Я жил мужиком. Не блатовал, но и в об-

щественные организации не лез. Работал и знал - вот еще один день прожит. Вышел стройный, на-каченный, здоровый, в отличной форме. Сейчас мне кажется, что это были самые спокойные годы моего существования. Никаких за-бот - три раза в день тебя накорм-ят, постель холодная, но - твоя. Столовая, работа, сон - как мед-ленные монотонные капли из кра-на. И только лежит на тебе тяже-лая плита - груз неволи. Но и к этому грузу через некоторое вре-мя привыкаешь. Кроме заботы сме-нить старые сапоги на новые - про-блем никаких...

- А когда приезжала мать?

- Вот тогда было действитель-но трудно. Потому что это возвра-щение на свободу на два-три дня. Она привозила домашние продук-ты. А желудок стал маленьким. На-едаешься быстро. Мать сидит и смотрит в рот: «Ой, ну поешь это-го, поешь этого». А ты съел бутер-брод с икрой и кусочек пирога с капустой - и сыт. И идешь якобы в туалет, а сам - два пальца в рот и все обратно. Чтобы только мать не увидела и чтобы иметь возмож-ность съесть еще хотя бы тарелку супа. Ведь у нее глаза такие ... болящие, умоляющие. Это я сей-час ее понимаю, когда у самого - дочь, и все время думаешь, как бы в нее запихнуть что-нибудь пов-куснее. И разговоры про то, как в Москве, как друзья, что в театрах. Она мне письма привозила, ребя-та новые анекдоты пересылали. А через трое суток - ей на волю, а мне снова - в зону. И это - буд-то тебя заново арестовывают. И все начинается сначала. А как стра-шно, когда от нее переставали при-ходить письма. Сразу паника: что случилось? А письмо где-то зате-рялось и приходит следующее. И за это время успеваешь и мать схо-ронить...

- А кого из тех людей, с кем тебя в те годы сводила судьба, ты запомнил больше всего?

- Многих. Ну, например, я си-дел вместе с одним из главных инженеров строительства Остан-кинской башни. Он сидел «за взя-тку». Отсидел шесть лет из десяти, а потом выяснилось, что никакой взятки он не брал. Так для того, чтобы его выпустить и сэконо-мить четыре года, с него взяли хатай-ство о помиловании, бумажку о признании вины. И через месяц выпустили. Он плакал, когда «сту-чал на себя». Но вынужден был

Захар в постановке Марка Розовского «Романсы с Обломовым».

Владимир Долгинский, Никита Джигурда и Наталья Доронина в спектакле «Роман о девочках» по прозе Вл. Высоцкого.

Владимир Долгинский и Олег Янковский в фильме «Тот самый Мюнхгаузен».

подписать, чтобы выиграть четыре года. Вот такое правосудие. Пом-ню, сидим мы с ним за столом, пьем чай с «подушечками» и рас-суждаем о том, что краше этого, может, ничего в мире и нет - ни забот, ни хлопот. Не надо по мага-зинам ходить, за дочку беспоко-иться, когда она вечером поздно приходит, за неприятности жены на ее работе переживать. Только огромная плита - груз неволи...

- Ну а как ты жил на поселе-нии?

- Определили меня в клуб исто-пником. Сошелся я с местной учительницей - курносенькая, хо-рошенькая. Она от меня впервые услышала фамилии Станиславский, Даль... Начался у нас роман. Чуть было не женился. Но это уже со-всем другая история - и то, как мы познакомились, и какие друзья у меня были на поселении, и как я приехал в Москву и стал ее ждать, а она не приехала! Ну что ты!!

- А в «Ленком» ты как попал?

- Отсидел. Приехал в Москву и - к Марку Захарову. Пришел к нему домой с бутылкой коньяка, а он, понимая мое тяжелое материаль-ное положение, эту бутылку от-крыть не дал и велел унести. Он разглядывал меня - а то вдруг бы я вернулся весь в наколах... Но я после молотобойни был в прекрас-ной форме. Много ему рассказал. И он меня взял. В «Тиль» и в дру-гие спектакли. Я снялся у него в «Обыкновенном чуде» /роль пала-ча/, и в «Том самом Мюнхгаузе-не...» /роль пастора/. Работал с талантливыми ребятами - Олег Ян-ковский, Саша Абдулов, Леонид Ярмольник. Жили в Германии месяц, чудно жили, дурачились, прекрасное было время. Потом в силу обстоятельств я вынужден был уйти в еврейский театр, где и поз-накомился - это мое самое боль-шое достижение - с Натальей - моей нынешней женой. Оттуда тоже ушел, а в 1986 году связался с Марком Розовским.

Мы давно симпатизировали друг другу, встречались в ВТО, в различных компаниях. Марк ска-зал, что у него есть для меня роль - в спектакле «Концерт Высоцкого в НИИ». Через неделю я сыграл спектакль. Мы начали работать. Потом был «Гамбринус». Мне ужас-но понравилась атмосфера в теат-ре, понравился сам Марк. Я ему очень человечески и актерски дове-рял - и не промахнулся. Когда «Роман о девочках» должен был ехать в Швецию, мне вдруг выезд запретили. Сидел, мол. И Марк тог-да заявил во всех инстанциях (где топнул ногой, где грохнул кулаком по столу): «Без Долгинского театр никуда не поедет. Отменяйте гас-саменить меня на тот момент не-сколькими актерами. Вот это для меня стало образцом отношения режиссера к артисту. Для него /Марка/ вообще каждое расстава-ние с актером - трагедия. Даже если у артиста дурной характер, даже если он пьет, Марк идет на все, лишь бы не сделать больно человеку, находит малоответствен-ные посты, где человек может все-таки доказать, что он нужен. Ни с кем не расстанется до последнего. А как он переживает, если кто-то уходит! Если ты его любишь, от него уйти просто невозможно - у него сердце разорвется. Хотя чис-то творческие разногласия у нас, безусловно, есть. И это нормаль-но! Но он оставляет огромный ко-ридор для фантазии. Я сыграл у него Захара в «Романсах с Обло-мовым», ревизора в «Триумфаль-ной площади», сыграл в «Докторе Чехове». Я поставил у него «Разде-валку», сыграл в «Майн кампф Фар-се», в «Дяде Ване», в «Истории ло-шади» и многих других спектаклях.

- Сегодня, с позиции време-ни, ты не жалеешь, что жизнь так сложилась?

- Я не представляю себе се-годня жизни своей - без тех лет. Там, в лагере, в тюрьме, в дурдо-ме, люди либо ломаются, либо ста-новятся крепче. Если бы этого не было - не было бы меня такого, какой я есть сейчас - ценящего жизнь. Вот когда у меня плохое настроение, и я просыпаюсь с го-ловой болью и болью в левом пле-че, то я понимаю, что счастье - это когда пятка спящей дочурки лежит у тебя на щеке. И я говорю себе: «Бестыжий, вспомни свою жизнь, вспомни, через что ты прошел! Ай-ай-яй, не все в порядке! Но ведь в холодильнике есть кусок колбасы и два яйца! Но ведь рядом люби-мая жена и сегодня вечером иг-рать спектакль!»

И я иду в свой театр. Который я искренне могу назвать своим не только потому, что я строил его как актер, но и потому, что я возводил его стены и таскал сво-ими руками цемент. Я могу смело говорить, что это мой театр, по-тому что мы вначале, чтобы как-то выжить, играли по пятьсот спектаклей в год, жили без вся-кой дотации. Это мой театр, по-тому что в нем - частица моей жизни и крови. И нет сейчас та-кого коллектива, куда бы я ушел. Даже если бы ко мне пришел глав-ный режиссер и предложил: «Пой-дем ко мне, ты будешь играть Гам-лета, Чацкого и Офелию одно-временно».

Я бы такому режиссеру ска-зал: «Не надо! Мне здесь безумно интересно. Уйти, продать - я не могу. Это уже мой дом, я уже живу здесь».

Я даже присмотрел местечко, где будет стоять мой гроб, когда со мной будут прощаться. Но до этого, надеюсь, еще далеко!

P.S. Редакция «МП» поздрав-ляет Владимира Долгинского с пя-тидесятилетием!